

56. Шахматов А. А. Курс истории русского языка (читан в С.-Петербургском ун-те в 1909 – 10 уч. г.) : Очерк истории звуков русского языка / А. А. Шахматов. [– Литограф. изд.– СПб., 1909 – 10.] – Ч. 2. – 797, 5, 13 с.
57. Шахматов А. А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV – XV в. (По поводу книги "Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке". СПб., 1909) / А. А. Шахматов // Журн. м-ва нар. просвещения. – 1909. – Ч. 22. № 7. – С. 105–177.
58. [Шахматов А. А.] Отзыв А. А. Шахматова о труде Л. Л. Васильева ["О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI – XVII веков : к вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии"] / А. А. Шахматов // Сб. по рус. яз. и словесности. – 1929. – Т. 1. Вып. 2. – С. III–X.
59. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А. А. Шахматов // Энциклопедия слав. филол. – 1915. – Вып. 11. – XXVIII, II, L, 369 с.
60. Шахматов А. А. Русский язык / А. А. Шахматов // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1899. – Т. 28. – С. 564–581.
61. Шахматов А. А. Русский язык : лекции, читанные в Моск. ун-те. 1890 – 91 ак. г. / А. А. Шахматов. [– Литограф. изд. – М., 1890 – 91]. – 179 с.
62. Шахматов А. А. [Рец. :] J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého. Díl. 1. V Praze a ve Vídni, 1894. Díl. 3. V Praze a ve Vídni, 1896 / А. А. Шахматов // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1900. – Т. 66. № 6. – С. 17–105.
63. Шахматов О. О. До питання про початок української мови. Кілька слів на нову працю з граматики українського языка : Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. von Smal-Stockyj und T. Gartner. Wien, 1913 / О. О. Шахматов // Україна. – 1914. – Кн. 1. – С. 7–19.
64. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка / И. В. Ягич // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1889. – Т. 46. № 4. – VI, 171 с.
65. Smal-Stockyj S. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache / S. Smal-Stockyj, T. Gartner. – Wien, 1913. – XV, 550 s.
66. Шахматов А. А. Великорусская диалектология : лекции, читанные в Петроградском ун-те в 1919 – 20 уч. г. / А. А. Шахматов // Архив Російської АН, СПб., ф. 134, оп. 1, од. зб. 273, арк. 1–13.
67. Шахматов А. А. Историческая этнография восточной Европы. 1920 / А. А. Шахматов // Архив Російської АН, СПб., ф. 134, оп. 1, од. зб. 81, арк. 1–71.

УДК 811. 161.1

Валентина Маслова
(Витебск)

СТАТУС КАРТИНЫ МИРА И ЕЕ ТИПЫ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

У статті проаналізовано три типи картини світу – концептуальна, мовна і поетична, показані їхні подібність і відмінність, а також їхній статус в антропоцентричній парадигмі.

Ключові слова: картина світу, мовна картина світу, поетична картина світу, образ світу.

The article analyzes three types of world views – conceptual, linguistic and poetic, it shows their similarities and differences, and their status in the anthropocentric paradigm.

Key words: world view, language world view, poetic world view, the image of the world.

Появление антропоцентрической парадигмы в гуманитарных науках привело к ряду изменений. Теперь исследователь языка и культуры должен учитывать, что он есть носитель некоторой этнической культуры, которая не только вооружает, но и ограничивает его определенной системой категорий, при помощи которых он может составить представление о своей и о чужой культуре, потому что каждый язык, сквозь призму которого его носитель

вбирает в себя культуру и миропонимание, по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет в некоторой степени особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с ней.

Совокупность знаний о мире, о человеке и его культуре, запечатленных в языковой форме, в различных концепциях называется то как "языковой промежуточный мир", то как "языковая репрезентация мира", то как "языковая модель мира", то как "языковая картина мира". В силу большей распространенности мы выбираем последний термин. Картина мира – базисное понятие философии, антропологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и ряда других наук.

Цель данной статьи – попытка типологизировать представления о картинах мира, дополнить их выделением поэтической картины мира.

Из истории изучения. Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в работах В.Гумбольдта, который писал, что "различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия" [3, с. 324]. В гуманитарные науки данный термин пришел из работ Л.Витгенштейна, который вполне осознавал его метафоричность и подчеркивал синонимичность психологическому понятию "образ мира".

К концу XX века появилось много работ, посвященных данной проблеме – работы Г.А. Брутяна, С.А. Васильева, Г.В. Колшанского, Н.И. Сукаленко, М. Блэка, Д. Хаймса, коллективная монография "Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира" (1988) и др. Возросший интерес к этой проблеме связан с когнитивными исследованиями последних лет.

В современной лингвистике существует несколько направлений в изучении языковой картины мира. Это 1) типологические исследования: славянская языковая картина мира, балканская модель мира и т.д.; 2) изучение языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры народа; 3) исследуются отдельные лингвоспецифичные концепты, обладающие двумя свойствами: они являются частотными и "ключевыми" для данной культуры (они дают "ключ" к пониманию ментальности, отображенной в "категориях и формах языка"). Это работы А. Вежбицкой, В.В. Колесова, М.В. Пименовой, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой и др.; 4) исследование отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русской лексике, словообразовании, в зеркале метафор и т.д. [20 с. 9]. Но наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет еще одно направление – 5) поэтическая картина мира, интерес к которой проявляется лишь в последнее десятилетие [10].

В современных исследованиях по когнитивной лингвистике до сих пор принято различать лишь языковую и концептуальную картины мира (впервые их разграничил Г.А. Брутян). О. Н. Кондратьева отмечает по этому поводу: "Поскольку концептуализация мира осуществляется через язык, возникает вопрос о соотношении мира, его образа, существующего в сознании, и образа, закрепленного в языке. Постановка подобной проблемы способствовала выделению двух форм картины мира – концептуальной и языковой" [6, с. 23].

Сразу после разграничения этих двух терминов в лингвистике ставится вопрос об их соотношении. И здесь наблюдаются следующие подходы. Согласно первому, языковая картина мира считается шире концептуальной. Во втором подходе утверждается совпадение, идентичность языковой и концептуальной картин мира. Элементы подобной точки зрения можно отыскать у Г.В. Колшанского, который полагает, что "в гносеологическом плане действительно не отношение "язык-мышление", а "языкомышление – мир"" и "правильно поэтому говорить не о языковой картине мира, а о языково-мыслительной картине мира" [5, с. 37]. Согласно третьей концепции, концептуальная картина мира признается более масштабной по сравнению с языковой. Подобное решение присутствует в работах большинства лингвистов (Г.Г. Почепцов, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия и др.). По Г.Г. Почепцову, языковое представление мира "информационно неполно и/ или неточно", и причину этого он видит в том, что "отражению подвергается не мир в целом, а лишь его

пики, т.е. его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир" [13, с. 111–112]. Сходной точки зрения придерживается Д.С. Лихачев [7, с. 9] и другие исследователи [9, с. 67; 15].

Мы разделяем точку зрения, согласно которой *картина мира*, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык же выполняет требования познавательного процесса. Концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и т.д. С другой стороны, люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке – разные. Следовательно, в концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное. Она, конечно же, шире и языковой и поэтической картин мира и лишь частично покрывается ими.

Языковая картина мира не стоит в одном ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Языковая картина мира не есть простой набор "фотографий" предметов, процессов, свойств, ибо включает в себя и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем, позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты. Более того, поскольку отражение мира человеком не пассивное, а деятельностное, отношение к объектам не только порождается этими объектами, но и способно изменить их (через деятельность). Человеческая деятельность протекает в определенном климате, где преобладает определенный рельеф, флора и фауна, которые в совокупности обуславливают жизнедеятельность того или иного народа; все это находит отображение в каждой конкретной языковой картине мира, причем оно одновременно интернационально и глубоко национально. Следовательно, языковая картина мира есть репрезентант концептуального мира, а репрезентирующая система всегда беднее репрезентируемого мира, как метаязык беднее естественного языка.

И концептуальная и языковая картины мира отводят человеку определенное место во Вселенной и тем самым помогают ему ориентироваться в реальности, обе картины мира являются результатом духовно-практической деятельности людей. Все частные картины мира – и научная, и религиозная, и философская, и поэтическая, и др. – добавляют свое видение мира в общую концептуальную картину.

Считается, что в языковой картине мира отображаются наивные представления народа – это не что иное, как сложившаяся давно и сохранившаяся доньше национальная картина мира, отражающая мировосприятие и миропонимание народа, зафиксированная в языке, ограниченная рамками консервативной культуры [11, с. 10-11].

Большинство лингвистов определяют языковую картину мира именно как "наивную" (Ю. Д. Апресян, С. Г. Воркачев, В. А. Маслова, М. В. Пименова, Е. В. Урысон). Так, Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. "Наивная" картина мира становится одним из основных объектов изучения в Московской семантической школе, Школе логического анализа языка и др. Например, *глобус* – наглядная модель географической картины земли: это шар (или почти шар), на который нанесены условные обозначения океанов, материков, морей, рек, гор и т.д. А наивная картина мира, отображенная в языке, совершенно иная: земля плоская, поэтому имеет края (*вся земля от края и до края; на краю земли, по всей земле*), внутри она поляя (*под землей, провалиться сквозь землю, из-под земли, толща земли*), она может держать человека, а может гореть у него под ногами, т.е. земля неустойчива (*как земля держит,*

земля горит под ногами), землей может называться народ (*немецкая земля*), это нечто важное, сакральное, поэтому ей кланяются (*поклониться земле, земной поклон*).

Наша задача – изучение обыденных представлений о мире и человеке, которые хотя и заложены в определенном языке, но скрыты в значении языкового знака. "Семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п." [1, с. 56]. Языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их (см. научное значение и языковое толкование таких слов, как *атом, точка, свет, тепло* и т.д.).

Поскольку познание мира человеком постепенно избавляется от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно уточняется, меняется, как бы перерисовывается, тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. Так, довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъема говорящий использует фразеологизм *воспарить душой*, не всегда осознавая, что это выражение связано с архаическими представлениями о наличии внутри человека субстанции – души, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, перемещаясь к небесам. И человек, и мир в наивной картине мира представлены не так, как в научной (логически правильной): *дождь идет* (хотя с точки зрения логики здравого смысла он *падает*, т.к. *идти* можно только по горизонтальной или наклонной поверхности); у человека в разных ситуациях могут неадекватно действовать разные органы (от удивления может *отвалиться челюсть*), он может *нутром чуют*, от горя он становится *чернее тучи* и т.д.

Наивная картина мира по-своему классифицирует способы восприятия, в ней отмечаются собственные родо-видовые отношения. Так, зрение в народной анатомии – есть также видовое понятие для многих способов восприятия: *вижу дом* (зрение), *вижу, что вы не понимаете этого* (рацио), *смотрю – кругом мокро* (осязание) и т.д.

На наивную картину мира оказали влияние существовавшие ранее, но уже отжившие, представления, которые сейчас считаются предрассудками или культурными традициями. Считалось, что вещие сны предупреждают о будущих событиях, о которых можно узнать духовным зрением, отсюда выражение *не знать/ не ведать ни сном, ни духом*.

Многие научные понятия в языке представлены по-иному. Так, согласно Медицинской энциклопедии, *кровь* – это жидкая ткань, циркулирующая в кровеносной системе позвоночных животных и человека. Состоит из плазмы и форменных элементов (эритроциты, лейкоциты, тромбоциты и т. д.).

В наивной картине мира *кровь* является выразителем социального происхождения и этнической принадлежности человека (*благородная кровь; голубая кровь; дворянская кровь; рабочая кровь*) и результатом человеческих поступков – *на крови* (ценой преступления). Кровь считается носителем родовых отношений, кровного родства (*одной крови, кровь заговорила, родные по крови; родная кровь даёт о себе знать*). Кровь может быть носителем силы и энергии (*кровь бурлит, кровь вскипает, кровь играет, горячая кровь*), страха (кровь в жилах стынет, кровь леденеет). О чем-то, достигнутом большим трудом, говорят *потом и кровью*, о небольших потерях – *малой кровью* и т.д.

По мнению Ю.Д. Апресяна, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации ("концептуализации") мира, а его значения складываются в некую коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [1]. При таком подходе язык рассматривается как определенная концептуальная система и как средство оформления системы знаний о мире.

Таким образом, языковая картина мира в главном совпадает с логическим отражением мира в сознании людей (концептуальной картиной мира). Но при этом сохраняются отдельные участки в языковой картине мира, к которым, по нашему убеждению, относится и фразеология, паремиология, семантика некоторых слов, которые хранят архаичные знания о мире и человеке, именно эта часть языковой картины мира варьируется от языка к языку.

Известно, что картина мира древних славян характеризовалась двоичными оппозициями типа свой – чужой, прямой – кривой, друг – враг, жизнь – смерть, чет – нечет,

север – юг, правый – левый, мужской – женский и др. (см. работы В.В. Иванова и В.Н. Топорова). Каждое из указанных противопоставлений является частным случаем жизненно важной, определяющей картину мира славян оппозиции *благоприятный – неблагоприятный*. Например, интересное диссертационное исследование Е.И. Холявко посвящено анализу оппозиции *прямой – кривой*, где автору удалось выделить 6 основных направлений в развитии типов вторичной номинации этой оппозиции [19]. Почти каждое из них породило идиомы, в основе которых лежат мифологемы и архетипы: *согнула да скрючила* (о болезни), *кривой* (разг.) – одноглазый, слепой на один глаз. *согнуло в три погибели; каб яго у сук сагнула* (о смерти). Семантика этих выражений формировалась под влиянием широко распространенного обряда скорченного погребения, отражающего идею реинкарнации.

Как утверждает М.М. Маковский, первоначения индоевропейского праязыка – *разрывать и гнуть* [8], а все остальные значения – это метафоры от первоначальных. И действительно, многие негативные явления связаны с данными номинациями. Так, значение 'подчинять своей воле, угнетать, неволить' связано с глаголами *гнуть, кривить*: рус. *гнуть* 'подчинять своей воле' [14, с. 322], *гнуть кого в дугу, в крюк* 'обижать, теснить, неволить, покорять силою' [4, с. 362]. (аналогичны значения рус. фразеологизмов: (*согнуть в три дуги, три погибели, согнуть кого в бараний рог* [12, с. 108, 120]; значение 'несправедливый, неправедный, ложный' тоже заложено в данных глаголах (ср. *загнуть* (разг.) – соврать).

Показательно, что взаимосвязь представлений о кривизне, изогнутости и болезни, смерти нашла отражение не только в семантике вторичных номинаций, но и ряде пословиц, поговорок, например: *Уходила, умучила, согнула да скрючила* (о болезни). *В крюк свело, согнуло, скорчило. Эх, друг, согнуло тебя в крюк!*

Негативная коннотация ФЕ *связать по рукам и ногам* в значении "лишить возможности действовать свободно" обусловлена влиянием представлений о физическом действии связывания как магической практики вязания узлов. Аналогичные причины лежат в основе ФЕ *вить веревки* (подчинить своей воле), семантика которого формировалась в тесной связи с магическими актами витья, вязания, плетения в системе представления древних славян о кривизне. Они генетически соотносятся с мифологемой узла (ср. глагол *завязать* в значении "покончить с чем-либо") – узелка, талисмана, который носят на шее, привязывают к руке и которому приписывают свойство отгонять злых духов и тем самым предохранять от болезни и несчастья. Символические функции этих процессов сходны и связаны с обрядовой значимостью нити.

Немалую роль в формировании языковой картины мира играет мифологическая информация, мифологические концепты, ибо языковая картина мира создается разными красками, наиболее яркими, с нашей точки зрения, являются мифологемы, образно-метафоричные слова, коннотативные слова и др. Для образа человека важны также *душа, сердце* (см. об этом в работах М.В. Пименовой), а в иных традициях – *печень*. Так, у тюрков *печень* имела статус центра, со всеми вытекающими отсюда последствиями [17, с. 69]. Например, тувинцы связывали с печенью проявления душевных состояний – гнева, горя, радости, а также моральных качеств, например, доброты: *даш баарлыг* – "безжалостный" (буквально: с каменной печенью); *баары ажыыр* – "жалеть, переживать" (букв. печень его щемит).

Печень воспринималась как центр организма, по-видимому, благодаря ряду своих естественных качеств: печень особенно уязвима, ее поражение чревато печальными последствиями. Также *печень* и *сердце* являются непарными органами, уже это обстоятельство определяет их особый статус. Кроме того, в течение жизни человека печень меняется, и эта изменчивость истолковывалась как индикация состояния человека. Неудивительно, что гадание по печени (гепатоскопия) получило широкое распространение у многих народов.

Таким образом, многие образы и архетипы, от которых веет глубокой архаикой, прорастают сквозь позднейшие напластования сознания и до сих пор остаются константами мировоззрения.

В языке отражена наивная картина мира, которая складывается как ответ на духовные и практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру. По всей вероятности, совокупность предметных образно-наглядных эталонных представлений о предметах, явлениях, с которыми человек на протяжении жизни встречается чаще, чем с другими; в целом формирует некоторую стабильную языковую картину отражения объективной действительности [16].

Общность выполняемой функции в бытовой практической деятельности человека, в его сознании может объединять объекты в одну группу, например, общность функции таких органов, как *рот* и *глаза* при выражении удивления человека обозначается в языке с помощью идиом *раскрыть рот, таращить глаза*, и в то же время может разграничить даже очень близкие в научной классификации объекты, например, в ФЕ *встать на ноги* – “обрести самостоятельность, независимость” и *встать на колени* – “выражать свою покорность” колени, как часть ног, противопоставлены собственно ногам, так как в составе идиомы соматизм **колени** приобретает квазисимвольное значение “вид недопустимой опоры” в отличие от значения соматизма **ноги** – “вид необходимой опоры” (см. об этом в работах В.Н. Телия).

Именно в содержательной стороне языка (в меньшей степени в грамматике) явлена картина мира данного этноса, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов. Ее анализ помогает понять, чем отличаются национальные культуры, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры. При этом мы абсолютно солидарны с А.Вежицкой, которая пишет: “Если бы значения всех слов были бы культурноспецифичны, то вообще было бы невозможно исследовать культурные различия” [2, с. 291]. Поэтому занимаясь культурно-национальным аспектом, мы учитываем и универсальные свойства языковых единиц.

Если языковая картина мира универсальна, а творцом ее является весь народ, то поэтическая – индивидуальна, она создается в текстах одного человека, представителя данного народа. Следовательно, языковая картина мира и картина мира, реконструируемая на материале поэтических текстов одного автора, соотносимы, но не тождественны. Поскольку внечеловеческих и всечеловеческих картин мира не бывает, поэтому каждая из типов картин мира содержит хотя бы частичку истины, понимаемую каждым по-своему.

Однако не сам язык создает эту субъективную картину мира, а поэт. Поэтическая картина мира является индивидуально-авторской, она в значительной степени субъективна и несет в себе черты языковой личности ее создателя. Это образная, “очеловеченная” картина, в которой личность поэта предстает как отражение ее существования. Такая картина мира понимается нами как альтернатива миру реальному. Это образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка поэта, он является результатом его духовной активности. Материальным выражением поэтической картины мира являются все произведения поэта, их единое текстовое пространство, а материалом общей поэтической картины мира – целые направления в поэзии и целые эпохи.

В поэзии любого крупного национального поэта много и общего, наднационального, ведь поэзия не без основания считается древнейшим способом освобождения человеческого духа, являя собой проповедь истины, наделенной поэтической энергией. Поэзия – это такой способ формальной организации слов, в результате которого не столько разъясняется смысл слова, сколько усложняется и генерируется новый, неожиданный, воспринимаемый носителями языка как открытие. В поэзии нам явлен самый сложный семиотический язык. И дело не только в особом строе стихотворной речи, ее ритмичности и рифмованности, а в том, что именно провидец-поэт может прорваться поэтической мыслью к основе, к сердцевине бытия [18, с. 93].

Поэтический текст лишь очерчивает границы рисуемой им картины мира. А основные цветовые мазки накладывает читатель. Поэзия имеет в себе мудрость, и эту мудрость в

одежде красоты легко схватывает словом поэт, но она трудно извлекается из текста. Поэзия ценна тем, что образы ее символичны, многозначны, текучи, оставляют зазор для читательского восприятия и понимания.

М. Цветаева, лучший русский поэт XX века, поэт-философ, но философ не классический, а противоречивый, подчас иррациональный. Она проявляет неиссякаемый интерес к хаотичной, сплошь сотканной из противоречий внутренней жизни личности. И сама она вся состоит из взаимоисключающих черт: сдержанность и неукротимость, непримиримость и кротость, долготерпение и вспыльчивость, общительность и стремление к одиночеству. Ее мировидение и миропонимание накладывает отпечаток на ее творчество. Так, в стихотворении "Заочность" воспевается любовь, в которой расстояние помогает любящим сохранить накал страстей и высоту их отношений, а в других стихотворениях, наоборот, она жаждет встреч и разлука для нее горька и невыносима. Часто внутри одного стихотворного цикла она кардинально меняет свои взгляды, направленность симпатии: *Богатому даю на хлеб...* Здесь идет игра со смыслом.

Поэтическая картина мира М. Цветаевой – это только одна картина. Исследование поэтических картин различных поэтов позволит свести их в единую общую поэтическую картину XX или XXI века.

Выводы.

1. В антропоцентрической парадигме у разных лингвистических областей знаний обнаруживаются сходные черты: интегративный подход к языку, максимальное внимание к триаде "язык – человек – культура", стремление к исследованию концептов и картины мира, что позволяет дать более глубокую и многоаспектную характеристику изучаемых феноменов.

2. Проблема изучения языковой картины мира тесно связана с проблемой концептуальной картины мира. Языковая картина мира эксплицирует различные картины мира человека и отображает общую (концептуальную) картину мира. Человеческая деятельность одновременно и универсальна, и национально-специфична. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и универсальность. Наивная картина мира обыденного сознания, отображенная в языке, имеет интерпретирующий характер.

3. Между картиной мира, как отражением реального мира, и языковой картиной мира, как фиксацией этого отражения, существуют сложные отношения. Причем, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в семантической структуризации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы "пространство значений" (в терминологии А.Н.Леонтьева), т.е. закрепленные в языке знания о мире и человеке, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т.е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике, паремиологии, тексте.

4. Наивная картина мира отличается значительной прагматичностью. Прагматичность эта особого рода: знания, отображенные в языке, могут далеко отходить от научных (*солнце садится, дождь идет* и под.). Их критерием выступает не логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей (чаще квазиобъясняющей) матрицей для структурирования опыта нации.

5. Поэтическая картина мира – еще одна ипостась общей, концептуальной картины мира. В поэзии любого крупного национального поэта много и общего, наднационального, универсального, но много и национального, и, что особенно важно, индивидуально-личностного. Поэт создает виртуальную, а не реальную картину мира, которая искажает, затемняет реальность, но одновременно открывает ее в новом свете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, 1995, № 1.

2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 776 с.
3. Гумбольд В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989-1991. – Т. I, II, IV; 1982. – Т. III. – 555 с.
5. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. 2-е изд. – М., 1990.
6. Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека (на примере концептов душа, сердце, ум). АКД. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997.
8. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М., 1996.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
10. Маслова В.А. Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой. – М.: "Флинта", "Наука", 2004, – 256 с.
11. Пименова М.В. Этногерменевтика наивной языковой картины внутреннего мира. – Кемерово, 1999. – 262 с.
12. Пословицы и поговорки русского народа: Из сборника В.И. Даля / Под общ. ред. Б.П. Кирдана; Вступ. слово М.А.Шолохова; Послесл. В.П. Аникина. – М.: Правда, 1987. – 656 с.
13. Почепцов Г.Г. Языковая ментальность : способы представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110-122.
14. Словарь русского языка: В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; гл. ред. А.П.Евгеньева. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1984-1988. – Т. I-IV.
15. Степин В.С., Толстых В.И. Поиск новых ценностей и стратегия развития / В.С. Степин (отв. Ред.), В.И. Толстых // Россия в глобализующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. – М., Наука, 2007, – 640 с.
16. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев, 1992.
17. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. – Новосибирск, 1989, С. 69
18. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание Европейской культуры XX века. – М., 1991.
19. Холявко Е.И. Вторичные номинации, мотивированные этнокультурными представлениями о кривизне. – Гомель, 2002.
20. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). – М., 1994.

УДК 81'374

Наталья Матвеева
(Николаев)

"КОНЦЕПТОГРАФИЧЕСКИЕ"/" ГЛОССОГРАФИЧЕСКИЕ" СЛОВАРИ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ И УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

У статті проаналізовано теоретичні питання створення тлумачних словників, у тому числі навчальних, а також енциклопедичних словників. Запропоновано принципи укладання "концептографічних" та "глосографічних" словників.

Ключові слова: концепт, концептографія, глосографія, тлумачні, енциклопедичні словники.

In the article the theoretical issues concerning the formation of explanatory dictionaries, including educational ones, and also encyclopedic dictionaries are analyzed. The principles of compilation of "conceptographic" and "glossographic" dictionaries are proposed.